

Часть I

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИИ

Р.М. Асейнов

«ХРОНИКА» ЖОРЖА ШАТЛЕНА: ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА И ПРОБЛЕМА «ЗАКАЗА»*

В статье рассматривается информационная среда, в которой работал первый официальный историк Бургундского дома Жорж Шатлен и которая, несомненно, влияла на его творчество. Общение с высокопоставленными придворными, служившими историку важным источником информации, позволила Шатлену отразить на страницах своей хроники настроения определенной части бургундской элиты. Особенно ярко это проявилось в освещении ключевого вопроса для бургундской политической мысли – проблемы соотношения королевской и герцогской власти.

Ключевые слова: Франция, Бургундия, бургундская историография, Жорж Шатлен, королевская власть, герцогская власть

Об авторе: Асейнов Ренат Меулетович, кандидат исторических наук, старший редактор Большой Российской энциклопедии. 142460 Московская область, Ногинский район, пос. им. Воровского, ул. Рабочая, 9-27. aseynov@gmail.com.

На протяжении долгого времени хронистов, составлявших так называемую «бургундскую школу»¹, было принято

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), исследовательский проект № 13-01-00101а.

упрекать в излишней тенденциозности их исторических сочинений, в чрезмерном восхвалении своих сеньоров – герцогов Бургундских. Несомненно, им была свойственна определенная «партийность» и ангажированность. Особенно ярко она проявилась в творчестве официальных историков Бургундского дома – Жоржа Шатлена и Жана Молине, которые уже благодаря самой своей должности были призваны отстаивать интересы своего сеньора в литературных и исторических произведениях, восхвалять его деяния. Однако было бы неосмотрительно считать, что только интересы власти и герцогский «заказ» определяли политическую позицию официальных историков и влияли не их творчество (исторические труды и многочисленные поэтические произведения). Первый официальный историк Бургундского дома Жорж Шатлен, например, в трактате «О плохो воспринятой истине» фактически обосновал особое положение интеллектуала в обществе, его творческую независимость и способность высказывать свои собственные мысли². Внимательное прочтение бургундских хроник и мемуаров позволяет, на наш взгляд, иначе посмотреть на проблему ангажированности их авторов. Об этом свидетельствуют, в частности, и недавние исследования³. Увязывать политические воззрения бургундских авторов лишь с полученным от герцогской власти заказом было бы слишком односторонне не только по той причине, что подобный подход лишает самих авторов возможности высказывать собственную позицию на страницах своих сочинений. Не меньшее значение в становлении их взглядов имело то, что они творили в особой атмосфере бургундского двора, поддерживая тесные контакты друг с другом, а также с многочисленными придворными, включая представителей крупной аристократии, которые выступали в качестве источников информации для хронистов.

¹ О ней см., например, *Devaux J.* 2006, 467-476; *Devaux J.* 2013, 83-96.

² *Thiry C.* 1991, 101-135; *Delclos J.-Cl.* 1993, 75-91; *Асейнов П. М.* 2012а, 184-206.

³ См., например, *Delclos J.-Cl.* 1980; *Devaux J.* 1996; *Small G.* 1997; *Doudet E.* 2005.

Иными словами, отчасти некоторые исторические сочинения могут служить также источником для изучения определенного общественного мнения⁴ – позиции тех людей, той части придворного общества, воззрения которых были близки автору каждого конкретного исторического труда, что, однако, отнюдь не исключает наличие авторского суждения по тому или иному вопросу. Таким образом, определенное влияние как на самого историка, так и на его труд оказывало информационное пространство, в котором он работал, – источники, которыми он пользовался, люди, с которыми он общался, события, которые происходили в каждый конкретный момент работы над тем или иным сочинением или его частью.

По степени использования различного рода источников бургундские авторы значительно различались. Те из них, кто облек свое сочинение в форму воспоминаний, больше ориентировались на лично увиденное, редко пользуясь свидетельствами других людей или официальными документами. Впрочем, их близость к придворным кругам или даже к персоне герцога, как в случае с известным мемуаристом Оливье де Ла Маршем, предполагала, что авторы были весьма хорошо осведомлены обо всем, что происходило в Бургундском государстве и за его пределами. Другие – официальные историки, чья задача заключалась в описании всего, что происходило во владениях герцогов Бургундских, априори не могли довольствоваться своими собственными воспоминаниями. В их распоряжении находились многочисленные источники различного характера и происхождения, ставившие историка перед необходимостью проводить строгий отбор, ибо одной из главных задач, которую каждый хронист провозглашал в прологе к своему сочинению, было правдивое описание событий⁵.

Назначив Жоржа Шатлена официальным историком Бургундского дома, Филипп Добрый определил ему резиденцию в графском дворце в Валансьене, центре графства Эно (Геннегау). Для хрониста, который окончательно обосновался там в 1460 г., Валансьен был благодатным местом, куда,

⁴ См., например, *Guenée B.* 2002.

⁵ Например, *Marchello-Nizja C.* 1984, 13-25; *Guenée B.* 2005, 597-611.

как и в другие региональные центры, стекалась вся административная документация: приказы, ордонансы, герцогские распоряжения и письма, адресованные местным чиновникам и уведомляющие о тех или иных действиях центральных властей⁶. Например, в хронике Шатлена часто встречаются письма, написанные от лица Филиппа Доброго или адресованные ему (письмо епископа Льежа, письмо послов Брюгге, письмо самого Филиппа Доброго к королю Карлу VII, в котором он обосновывает причины принятия дофина при его дворе⁷ и т.д.). Впрочем, для Шатлена вовсе не характерно вкрапление в текст хроники официальных документов – таких, как ордонансы или договоры герцогов с другими государями, что было свойственно многим хронистам, копировавшим их без каких-либо комментариев. Подобный прием использовали (хотя и довольно редко), например, Оливье де Ла Марш или Жан Молине⁸. С другой стороны, будучи также советником герцога, Шатлен часто находился при дворе, что давало ему возможность лично участвовать в обсуждении некоторых вопросов политики и управления, встречаться с другими придворными, в том числе и высокопоставленными, иметь доступ к богатейшей библиотеке, собранной герцогами Бургундскими.

Официальная хроника предполагала использование всего обширного корпуса источников. В плане использования письменных источников Шатлен чрезвычайно разнообразен. Обстоятельное исследование Г. Смоллом круга источников, которыми пользовался Шатлен, показывает, что он был знаком практически со всеми наиболее значимыми литературными произведениями Средневековья, начиная с Григория Турского и заканчивая Джованни Боккаччо и Жаном Шартье, большинство из которых (если не сказать все) находились в герцогской библиотеке, как например, Большие

⁶ *Small G.* 1989, 28-30

⁷ Например, *Chastellain G.* 1863-1865, vol. II, 58, 283-287; vol. III, 190-191; 221-232.

⁸ Например, *La Marche O. de.* 1883-1888, vol. I, 207-238; vol. III, 214-234; *Molinet J.* 1935-1937, vol. I, 115-127, 277-287.

Французские хроники⁹. Нельзя сказать, что другие бургундские историки не использовали сочинения предшественников в своей работе. Даже мемуаристы черпали информацию для своего сочинения в трудах своих старших современников. Например, хроника Жана Шартье послужила Жаку дю Клерку источником для описания событий Столетней войны¹⁰, а Оливье де Ла Марш из историков наиболее близких к его времени наряду с Шатленом ссылается на Жана Фруассара. Впрочем, отсылки к историческим трудам других авторов встречаются довольно редко и относятся в основном к событиям, весьма удаленным по времени от мемуариста. Выстраивая генеалогию сына Марии Бургундской и Максимилиана Габсбурга Филиппа Красивого, де Ла Марш в доказательство своих доводов ссылается на таких авторов, как Диодор Сицилийский, Овидий, Лукан, Саллюстий, Орозий, Тацит, а также упоминает некие «древние хроники»¹¹.

Однако нас в данном случае больше интересует такой вид источников, как свидетельства современников, ибо они занимали важное место в работе практически любого историка XV века, который описывал современные ему события¹². Оливье де Ла Марш отмечает, что Шатлен широко использовал эти свидетельства. Описывая процесс создания хроники, он указывает на то, что Шатлен «занят тщательной работой и изучением, и в своем кабинете собирает многочисленные донесения, мнения, рапорты, отправленные к нему отовсюду»¹³. Действительно, официальный историк собирал донесения отовсюду и от всех непосредственных участников

⁹ Small G. 1997, 131-135. Второй канцлер ордена Золотого руна Гийом Фийатр преподнес Филиппу Доброму богато украшенный манускрипт Больших Французских хроник, хранящийся сейчас в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

¹⁰ Bousmar E. 1995, 115-148.

¹¹ См. Асейнов Р.М. 2007, 80-101.

¹² См.: Devaux J. 2013, 87-90; Thiry Cl. 1984.

¹³ «...est occupé en soigneuse labeur et estude, et en ce secret de sa chambre il amasse et rassemble plusieurs rapports, opinions, advis et ramentevances à luy rapportées, dictes et envoyées de toutes pars». *La Marche O. de.* 1883-1888, vol. I, 184.

событий. По-видимому, он вел обширную переписку, в том числе и с представителями бургундской элиты. Однако от последней сохранилось, вероятно, всего одно письмо – ответ Филиппа де Круа (Круи)¹⁴. Содержание этого письма свидетельствует о том, что были и другие письма. Филипп де Круа описывает состояние и маневры герцогской армии под Нейсом, пишет о посольствах, которыми обменивались противоборствующие стороны и их многочисленные посредники, а также несколько раз упоминает об уже рассказанном в предыдущих письмах¹⁵.

Филипп де Круа не был единственным бургундским придворным, который выступал в роли важного источника для Шатлена. Письменные отчеты об увиденном официальному историку доставляли Жан Лефевр де Сен-Реми, гербовый король ордена Золотого руна, сообщавший, в частности, о капитулах ордена (например, Шатлен упоминает некий отчет о капитуле 1461 г. в Сент-Омере¹⁶), Оливье де Ла Марш, уже в прологе к своим мемуарам заявивший, что пишет исключительно для того, чтобы его воспоминания использовал «Великий Жорж», другой мемуарист Жан де Энен, снабдивший Шатлена, видимо, рассказами о подавлении восстаний в Динане и Льеже¹⁷, и многие другие. Обладая исключительным авторитетом среди интеллектуальной и политической элиты Бургундского двора, Шатлен находился в привилегированном положении. Благодаря своим обширным связям в среде бургундской элиты и даже шире – французской, он мог получать и устную информацию от многочисленных друзей и придворных, с которыми находился в постоянном контакте, как мы видели на примере Филиппа де Круа. Сам Шатлен многократно сообщает читателю о том, что ту или иную информацию ему предоставил сеньор де Ланнуа, Филипп По,

¹⁴ *Chastellain G.* 1863-1865, vol. VIII, 261-268.

¹⁵ Например, *Ibid.* P. 266, 268.

¹⁶ *Chastellain G.* 1991, 275. Хроника Лефевра де Сен-Реми была использована Шатленом для написания 2-й книги хроники: *Delclos J.-Cl.* 1991, 7-18.

¹⁷ См.: *Thiry Cl.* 2000, 423-443.

сеньор де Ла Рош, Гийом Фийатр, второй канцлер ордена Золотого руна, сеньор де Ла Тремуи и другие, в числе которых, вероятно, был и сам герцог¹⁸. Однако не всегда Шатлен называет своих информаторов. Иногда он апеллирует к неким мудрым людям, некоторым придворным, т.е. предпочитает не называть имен конкретных свидетелей, но дает понять читателю, что приводимая им информация сообщена достойными доверия людьми. В то же время опора на этих «мудрых людей» позволяет автору хроники продемонстрировать, что высказываемые им мысли не являются только его личным суждением, но подкреплены мнением определенных придворных, которые вызывают у Шатлена не только доверие, но и уважение.

Наиболее показательным, на наш взгляд, примером подобной апелляции к «мудрым людям» является обоснование Шатленом своей позиции по поводу отношений между герцогом Бургундским и королем Франции и даже оценки самой королевской власти. Г. Смолл в своем исследовании заметил, что в тексте хроники Шатлена практически отсутствуют упоминания тех предков или героев, к которым апеллировали герцоги Бургундские, дабы обосновать свою независимость от Французского королевства и особую историческую судьбу своих подданных¹⁹. Иными словами, официальный историк был далек от выстраиваний легендарных генеалогий герцогов, которые бы шли в русле политических установок Бургундской династии на разрыв с королевством. Напротив, Шатлен постоянно подчеркивает связь герцогов с Французским королевским домом²⁰. В хронике есть ряд мо-

¹⁸ Например, *Chastellain G.* 1863-1865, vol. III, 134. О том, кто из придворных предоставлял информацию Шатлену, см. *Delclos J.-Cl.* 1980, 35-38.

¹⁹ Small G 1997, 166. О героях, призванных продемонстрировать особый исторический путь Бургундского государства, и о легендарных предках герцогов см., например, *Lacaze Y.* 1971, 303-385.

²⁰ Таких примеров чрезвычайно много как в хронике, так и других сочинениях Шатлена. См., например, *Chastellain G.* 1863-1865, vol. VII, 216, 290-293.

ментов, которые красноречиво свидетельствуют о приверженности Шатлена франко-бургундскому союзу и о том, что это мнение хрониста соответствовало воззрениям значительной части придворного общества. Одним из них является эпизод с прибытием ко двору герцога Карла Смелого в Сент-Омере послов короля Франции. В ответ на речь королевских посланников Карл заявил: «У нас, португальцев, есть традиция: когда те, кого мы считаем своими друзьями, становятся друзьями наших врагов, мы посылаем их к ста тысячам чертей»²¹. Безусловно, все присутствовавшие догадались, что речь шла о Людовике XI, ведь именно французский король оказал поддержку графу Уорику, который выступил против союзника герцога Бургундского – английского короля Эдуарда IV Йорка. Шатлен, отношение которого к Карлу Смелому весьма противоречиво²², отметил, что герцог «нанес самому себе большое оскорбление такими словами, принимая во внимание то, что он был подданным короля и носил герб с лилиями. . .»²³. Несмотря на то что хронист признает наличие португальских корней²⁴, для него более важно то, что Карл Смелый произошел из Французского королевского дома. Шатлен, как он сам отмечает, не был одинок в осуждении неуважительного отношения к королю. Его мнение разделяли наиболее мудрые люди, которые много видели, как характеризует их хронист²⁵.

Этот эпизод из придворной жизни еще раз свидетельствует, что не только Шатлен, но и значительная часть бур-

²¹ «Entre nous Portugalois, avons une coustume devers nous, que quand ceux que nous avons tenus à nos amis, se font amis à nos ennemis, nous les commandons à tous le cent mille diables d'enfer». *Chastellain G.* 1863-1865, vol. V, 453.

²² Например, см. *Small G.* 1997, 190-196.

²³ «Et sembloient à ceux qui deuil y prenoient, qu'à luy-mesme il se fit grand blasme en telles paroles, considéré encore qu'il estoit sujet du roy, et honoré et paré des armes des fleures-de-lys. . .». *Ibid.*, vol. V, 453-454.

²⁴ По материнской линии Карл Смелый был внуком португальского короля Жуана I и Филиппы Ланкастер.

²⁵ «. . .eux tous estoient en affection devers France, non pas vers Angleterre». *Ibid.*, vol. V, 454.

гундской элиты была настроена скептически по отношению к политике нового герцога, направленной на окончательный разрыв с королевством. Для них, как и для официального историка, франко-бургундский альянс выглядит естественным, тогда как сближение с Англией противоречит природе. Эта часть придворных и бургундской аристократии не могла восторженно встретить оскорбление, нанесенное герцогом своему сюзерену, королю Франции. Более того, многие из них имели значительные земельные владения на территории королевства, и осознавали себя арьер-вассалами короля, поэтому нередко переходили к нему на службу, что воспринималось как вполне обыденное явление. Однако Карл Смелый, в отличие от Филиппа Доброго, который не препятствовал своим вассалам участвовать в военных походах Карла VII, пытался пресечь подобную практику. И Филипп де Коммин, перешедший на службу к Людовику XI, и коннетабль де Сен-Поль, пытавшийся лавировать между королем и герцогом²⁶, и многие другие перебежчики были объявлены им предателями. После гибели герцога в 1477 г. значительная часть бургундского дворянства перейдет на сторону короля. Это в некоторой степени подтверждает, что они рассматривали владения герцога Бургундского как часть Французского королевства, а короля как своего верховного сеньора²⁷.

Подданные Бургундского дома не забывали, что герцоги являются вассалами короля Франции. Да и сами герцоги, несмотря на фактическую независимость своих владений, осознавали вассальную связь с королем – после восшествия на престол Людовика XI Филипп Добрый принес ему оммаж. Впрочем, это не мешало им искать способы заполучить королевский титул. В конечном итоге Карл Смелый провозгласил суверенитет над подвластными ему землями, изъяв свои французские фьефы из-под юрисдикции Парижского парламента, однако желаемый титул ему получить не удалось – коронация в Трире была сорвана²⁸. В связи с этой проблемой приведем

²⁶ См. *Blanchard J.* 2008; *Blanchard J.* 2009, 327-360;

²⁷ *Caron M.-Th.* 1987, 15, 533; *Caron M.-Th.*, 1994, 232, 287.

²⁸ См., например, *Асейнов Р.М.* 2012, 24-25; 37-39.

еще один весьма знаменательный эпизод из хроники Шатлена. После свержения Генриха VI его супруга Маргарита Анжуйская с сыном были вынуждены бежать из Англии. На короткое время они были приняты Филиппом Добрым в бургундских землях. Во время их пребывания при дворе случился казус, который подробно описывает Шатлен. Перед трапезой граф де Шароле (будущий герцог Карл Смелый) отказывается использовать для умывания ту же чашу, что и Маргарита Анжуйская из уважения к ее королевскому достоинству²⁹. Поступок наследника Филиппа Доброго вызвал споры при дворе. В то время как одна часть придворных считала, что граф поступил неправильно, другая всячески восхваляла его за это. Ко второй группе принадлежал и сам Шатлен. Причем на этот раз он указывает, что такого же мнения придерживался и Филипп По, сеньор де Ла Рош. И хронист, и Филипп По видели в данном жесте графа уважение к особам королевского достоинства, ибо оно превосходит герцогское. А сам Карл был сыном не короля, но герцога, даже несмотря на то, что являлся наследником многочисленных земель, многие из которых заслуживают статуса королевства³⁰.

Шатлен, будучи, с одной стороны, верным подданным герцога Бургундского, а с другой – сторонником франко-бургундского альянса, оказался в трудном положении. Уважение к королевской власти и королевские амбиции самих герцогов было весьма трудно совместить в одной концепции. Однако официальный историк нашел выход из этой ситуации. Уже в приведенном выше примере он отмечает, что земли герцогов ничуть не уступают землям короля, некоторые из них вполне могли бы быть королевствами. В «Обращении к герцогу Карлу» он снова указывает на величие земель, объединенных Бургундским домом³¹. Однако в этом трактате главной мыслью является то, что герцогу нет необходимости гнаться за королевским титулом, ибо любой титул тщетен,

²⁹ *Chastellain G.* 1863-1865, vol. V, 312-313. См. также *Хейзинга Й.* 2002, 58.

³⁰ *Chastellain G.* 1863-1865, vol. V, 312-313.

³¹ *Ibid.*, vol. VII, 306-307.

если не подкреплён добродетелью³². Наиболее подходящим путем является преумножение добродетелей, чтобы остаться в памяти потомков добродетельным государем, а не порочным. Такие рассуждения Шатлена были отчасти вызваны его разочарованием в Людовике XI, который, по мнению официального историка Бургундского дома, оказался недостойн короны Французского королевства³³. Ни Карл VII, ни Людовик XI не являлись для него образцами идеальных правителей. Таковым для него был Филипп Добрый³⁴. Именно в плане добродетельности герцоги могли не только соперничать с королями, но и превзойти их, по мнению бургундского хрониста. Однако лишь в этом, ибо по титулу герцог не мог составить конкуренцию королю. Для Шатлена и для той части бургундской элиты, чью позицию он разделял, было характерно, как мы видели, уважение к королевской власти, причем в случае с официальным историком – к неперсонифицированной королевской власти. Доказательством этому служат рассуждения о Людовике XI и о бедах, которые обрушились на Францию с вступлением на престол этого короля. Впрочем, недостатки порочного правителя, недостойного короны, но получившего ее, должен был компенсировать другой представитель династии, например, герцог Бургундский, по мнению Шатлена³⁵.

Правление нового герцога, на которого хронист возлагал немалые надежды, оказалось противоречивым. Сначала Шатлен, как и другие бургундские авторы (например, Васко да Лусена³⁶), пытался повлиять на нравы Карла Смелого посвященными ему трактатами. Однако разочарование нарастало, и в заключительных главах хроники Шатлен переходит к практически открытой критике не только короля Франции, но и герцога Бургундского, виновных, по его мнению, в разрушении «целостности общего дела» (*l'intégrité de la chose*

³² *Ibid.*, vol. VII, 312.

³³ Например, *Ibid.*, vol. V, 141.

³⁴ См. *Асейнов Р.М.* 2014 (в печати).

³⁵ *Chastellain G.* 1863-1865, vol. VII, 323.

³⁶ См., например, *Асейнов Р.М.* 2012с, 188-216.

publique)³⁷. Не только отношения с Французским королевством подвергались критике со стороны Шатлена, но и внутренняя политика герцога. В частности, чрезмерная регламентация всей придворной жизни, активное участие Карла в решении государственных дел, а также нововведения в сфере правосудия, организации армии и т.д. Во всех этих сферах он действовал противоположным образом, нежели его отец, что нашло отражение в творчестве всех бургундских авторов, постоянно сравнивавших отца и сына³⁸. Данный факт говорит о распространенности той критики, которую высказывает Шатлен в адрес Карла Смелого. Нововведения герцога вызывали непонимание многих представителей бургундской элиты. Шатлен, например, пишет о том, что аудиенции, которые давал герцог в присутствии многочисленных придворных, дабы лично вершить правосудие, заставляли их скучать³⁹.

Однако хронист, не разделявший политические установки Карла Смелого и даже критиковавший его в своем сочинении⁴⁰, тем не менее оставался верным Бургундскому дому, в отличие от некоторых бургундских придворных, политическую позицию которых он, вероятно, разделял. В первую очередь речь идет о семье де Круа, знатном аристократическом роде, получившем огромное внимание при дворе Филиппа Доброго. Шатлен был близок к некоторым представителям этой семьи⁴¹, о чем свидетельствует приведенное выше письмо Филиппа де Круа к хронисту. Однако он отнюдь не мог принять действия главы клана, Антуана де Круа, подчиненные лишь его частным интересам и идущие вразрез с интересами Бургундского государства. Продажа королю городов на реке Сомма, к которой Антуан был причастен, не только поставила крест на его дальнейшей карьере при новом герцоге, но и вызвала критику со стороны официального историка, которую он вложил в уста идеального, по его мнению, советника Филиппа

³⁷ *Chastellain G.* 1863-1865, vol. V, 477.

³⁸ См. *Асейнов Р.М.* 2014 (в печати).

³⁹ *Chastellain G.* 1863-1865, vol. V, 469-470.

⁴⁰ См., например, *Асейнов Р.М.* 2008, 398-422.

⁴¹ Об отношении *Шатлена к де Круа* см. *Thiry Cl.* 1993, 1363-1380.

По⁴². Более того, близким к де Круа был Жан Кустан, человек низкого происхождения и сомнительной добродетели, согласно Шатлену⁴³. Этот человек, возвысившийся при Филиппе Добром, настолько опасался прихода к власти нового герцога, что замыслил убийство Карла. Безусловно, для Шатлена такие действия и помыслы были непростительными и не могли иметь никаких оправданий, ибо интересы герцога и династии были превыше каких-либо частных выгод.

В приведенных примерах примечателен тот факт, что Шатлен не только доносит до читателя свое собственное мнение по поводу рассказываемого, но и ссылается на суждения других людей – либо тех, которые ему поведали об описываемом событии, либо тех, кто разделяет позицию хрониста. В этом можно усмотреть определенную апелляцию к некоему общественному мнению или, скорее, к мнению какой-то части придворного общества⁴⁴. При этом часто высказываемая точка зрения идет вразрез с позицией, которой придерживался герцог Бургундский и его ближайшее окружение. Официальный историк, каковым являлся Жорж Шатлен, в своих сочинениях отразил не только точку зрения герцогской власти (что он должен был делать по своей должности), но и настроения той придворной группы, которая не разделяла привнесенные Карлом Смелым новые принципы управления и не принимала его политику в отношении короля Франции. Безусловно, трудно установить их имена, если автор сам их не указывает. В то же время можно предположить, что часто это один и тот же круг людей, придворных, с которыми Шатлен имел возможность обсуждать происходящие при дворе события и которых он характеризует как мудрых советников. Одним из таких собеседников являлся Филипп По, с которым у хрониста установились весьма доверительные отношения. Среди других были влиятельные представители бургундской элиты, рыцари ордена Золотого руна, ибо критические заме-

⁴² *Chastellain G.* 1863-1865, vol. V, 154, *passim*.

⁴³ *Ibid.*, vol. IV, 234-237.

⁴⁴ О трудностях изучения общественного мнения в Средние века см., например, *Guenée B.* 2002, 8-9; *Bubenicek M.* 2013, 258-264.

чания, высказанные ими в адрес герцога на капитуле ордена, во многом схожи с упреками Шатлена (чрезмерный труд, особенно усердие в отправлении государственных дел, грубое обращение с приближенными и др.)⁴⁵. Другой частью элиты, к которой апеллирует Шатлен, стали те ее представители, которые разделяли мнение хрониста о характере взаимоотношений герцога и короля Франции. Многие из них после битвы при Нанси, вероятно, перешли на службу к Людовика XI. Хроника Шатлена была рассчитана именно на ту часть элиты, для которой история Бургундского дома была неотделима от истории Французского королевства⁴⁶, а ее представители считали себя вассалами короля. Впрочем, как можно удостовериться из приведенного материала (показателен в этом плане случай с Ангуаном де Круа), Шатлен вряд ли бы одобрил предательство по отношению к единственной наследнице Карла Смелого Марии Бургундской, которое совершили те, кто перешел в лагерь французского короля сразу же после гибели герцога. Для Шатлена интересы Бургундского дома стояли выше частных интересов даже близких ему по политическим воззрениям людей.

Литература

Асейнов Р.М. 2007: Политическая мифология и проблема самоопределения Бургундии в XV веке // Средние века. Вып. 68 (3), 80-101.

Асейнов Р.М. 2008: Образ государя в «Обращении к герцогу Карлу» Ж. Шатлена // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Н. А. Хачатурян (ред.). М., 398-422.

Асейнов Р.М. 2012а: Субъективность в истории: место автора в бургундских хрониках и мемуарах // Историческая память в культуре эпохи Возрождения / Л. М. Брагина (ред.). М., 184-206.

⁴⁵ Например, Die Protokollbücher 2002-2009, bd. 2, 120.

⁴⁶ Британский исследователь Г. Смолл отмечает, что бургундская историческая культура была «франкоцентрична», в герцогской библиотеке и собраниях представителей бургундской аристократии преобладали сочинения, повествующие об истории Французского королевства. См.: Small G. 2009, 11-23.

- Aсейнов Р.М.* 2012b: «Милостью Божьей герцог Бургундии...»: представления о власти герцога в бургундской политической мысли // Средние века. Вып. 73 (1-2), 17-41.
- Aсейнов Р.М.* 2012c: Васко да Лусена и историческая культура при дворе герцогов Бургундских во второй половине XV в. // «Переходные периоды» во всемирной истории и трансформация исторического знания / М. С. Бобкова (ред.). М., 188-216.
- Aсейнов Р.М.* 2014: Образ Филиппа Доброго в восприятии бургундских придворных хронистов // Французский ежегодник 2014 (в печ.).
- Хейзинга Й.* 2002: Осень Средневековья. М.
- Blanchard J.* 2008: Commynes et les procès politiques de Louis XI. De nouveau sur la lèse-majesté. Paris.
- Blanchard J.* 2009: Commynes n'a pas «trahi»: pour en finir avec une obsession critique / Revue du Nord. 2009. Т. 91 (La Face noir de la splendeur: crimes, trahisons et scandales à la cour de Bourgogne aux XIVe et XVe siècles), 327-360.
- Bousmar E.* 1995: Les emprunts de Jacques du Clercq à Jean Chartier. Note sur l'historiographie franco-bourguignonne au 15e siècle // Setra devota in memoriam Guillelmi Lourdaux / W. Verbeke e.a. (éd.). Leuven, 115-148.
- Bubenicek M.* 2013: Entre rébellion et obéissance. L'espace politique comtois face au duc Philippe le Hardi (1384-1404). Genève.
- Caron M.-Th.* 1987: La noblesse dans le duché de Bourgogne 1315-1477. Lille.
- Caron M.-Th.* 1994: Noblesse et pouvoir royal en France, XIIIe-XVIe siècles. Paris.
- Chastellain G.* 1863-1865: Œuvres / J. Kervyn de Lettenhove (éd.). Bruxelles. Vol. I-VIII.
- Chastellain G.* 1991: Chronique: les fragments du Livre IV révélés par l'Additional manuscript 54156 de la British Library / J.-Cl. Delclos (éd.). Genève.
- Delclos J.-Cl.* 1980: Le témoignage de Georges Chastellain. Historiographe de Philippe le Bon et Charles le Téméraire. Genève.
- Delclos J.-Cl.* 1991: Jean le Fèvre: l'une des sources du livre II de Georges Chastellain // Rencontres médiévales de Bourgogne (XIVe – XVe siècles) / D. Quérue (dir). Reims, vol. I, 7-18.
- Delclos J.-Cl.* 1993: «Je donques, George Chastellain...»: de l'histoire commandée au jugement personnel // Revue des langues Romanes. 97, 75-91.
- Devaux J.* 1996: Jean Molinet, indiciaire bourguignon. Paris.
- Devaux J.* 2006: Introduction. L'identité bourguignonne et l'écriture de l'histoire // Le Moyen Age. 112 (3-4), 467-476.

- Devaux J.* 2013: L'historiographie bourguignonne, une historiographie aveuglante? // La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un modèle culturel / W. Paravicini (dir). Ostfildern, 83-96.
- Doudet E.* 2005: Poétique de George Chastelain (1415-1475). Un cristal mucié en un coffre. Paris.
- Guenée B.* 2002: L'opinion publique à la fin du Moyen Age d'après la Chronique de Charles VI du Religieux de Saint-Denis. Paris.
- Guenée B.* 2005: *Ego*, Je. L'affirmation de soi par les historiens français (XIV-XV s.) // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 597-611.
- Lacaze Y.* 1971: Le rôle des traditions dans la genèse d'un sentiment national au XV siècle, la Bourgogne de Philippe le Bon // Bibliothèque de l'École des Chartes. 129, 303-385.
- La Marche O. de.* 1883-1888: Mémoires / H. Beaune et J. d'Arbaumont (éd). Paris, vol. I-IV.
- Marchello-Nizia C.* 1984: L'historien et son prologue: forme littéraire et stratégies discursives // La Chronique et l'histoire au Moyen Age. Paris, 13-25.
- Molinet J.* 1935-1937: Chroniques / G. Doutrepoint et O. Jodogne (éd). Bruxelles, vol. I-III.
- Die Protokollbücher 2002-2009: Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies / S. Dünnebeil (hg). Stuttgart.
- Small G.* 1989: Georges Chastelain à Valenciennes // Valentiana. № 4, 6-31.
- Small G.* 1997: George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. Political and Historical Culture at Court in the Fifteenth Century. Woodbridge.
- Small G.* 2009: Clio à la cour de Bourgogne au XVe siècle // La Librairie des ducs de Bourgogne. Manuscrits conservés à la Bibliothèque royale de Belgique / B. Bousmanne, T. van Hemelryck, C. van Hoorebeek (éd.). Turnhout, vol. IV, 11-23.
- Thiry Cl.* 1984: L'histoire immédiate: une invention du Moyen Age? Liège.
- Thiry C.* 1991: Stylistique et auto-critique: Georges Chastelain et l'«Exposition sur la Verité mal prise» // Recherches sur la littérature du XV siècle. Milano, 101-135.
- Thiry Cl.* 1993: Les Croy face aux indiciaires bourguignons: Georges Chastelain, Jean Molinet // Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufournet. Paris, T. III, 1363-1380.
- Thiry Cl.* 2000: Ville en fête, ville en feu: présences de la ville dans les Mémoires de Jean de Haynin // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 78, 423-443.